

Который бы людей уволил
От уэ приличия? И им,
Как будто должное дозволил
По личным прихотям своим
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?.. (X1, 115).

- 16 Егоров Б.Ф. О жанрах литературно-критических статей Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 54.
- 17 На это указывает и Б.Ф.Егоров (см.: Егоров Б.Ф. Указ. соч. С. 54).
- 18 В комментарии к Полному собранию сочинений А.С.Пушкина в 6-и т. отмечена связь "Детской книжки" со штампами современной Пушкину литературы для детского чтения (см.: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 646).
- 19 В докладе Н.Н.Петруниной "Иван Петрович Белкин и болдинские повести А.С.Пушкина" на конференции "184-я годовщина со дня рождения А.С.Пушкина" в ИРЛИ АН СССР отмечена генетическая общность образов Белкина и Косичкина, представляющих собой этапы развития одного общего "культурного типа автора" (см.: Хроника // Русская литература. 1983, № 4. С. 218).
- 20 Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1984. С. 181-182.

Н.В.Смирнова
(Уральский госуниверситет
имени А.М.Горького)

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ ПОДРАЖАНИЙ "ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ"

Одним из показателей мощного влияния "Евгения Онегина" на литературу начала XIX в. является количество подражаний роману. Начиная с 1827 г. по 1840 г. опубликовано более двух десятков стихотворных произведений, большей частью неоконченных или фрагментарных, авторы которых стремятся воспроизвести формальные и содержательные признаки "Евгения Онегина".

Изучены они недостаточно, хотя вызывают множество вопросов. В данной статье рассматривается лишь один из них - вопрос о том, в какой степени подражание произведению является

подражанием жанру, будет ли подражание роману обязательно романом или может иметь иные жанровые признаки, или, иначе говоря, в каком отношении друг к другу могут находиться жанровые особенности произведения-образца и его подражания?

Подражание, даже как подражание-ученичество, с которым мы имеем дело у последователей А.С.Пушкина, "предполагает обязательное отличие от образца"¹, поэтому мнение И.Н.Розанова, что авторами руководило не соперничество, что "армия подражателей вербовалась из поклонников Пушкина"², абсолютизирует положительное отношение к "Евгению Онегину", игнорируя факты полемики, литературного спора, имеющего место в некоторых подражаниях.

В ряде случаев полемическая направленность в отношении пушкинского романа носит у его последователей открыто-декларативный характер. Так, М.Воскресенский, автор наиболее раннего и известного "романа" "Евгений Вельский" (1828-1829), воздавая должное "Евгению Онегину", заявляет:

Стихи прекрасны, слог живой.

И это-то стихотворенье

Я пародировать хочу³.

В зачине повести "Борис Ульин" (1839) А.Карамзин провозглашает свое намерение избежать особенностей, характерных для повествовательной манеры "Евгения Онегина":

Засев рассказывать рассказ,

Я не начну с того, что вас

Здесь посвящу в свои секреты,

В свои любимые предметы,

Зачем писать задумал я,

Кто я и кто семья моя -

Как нынче делает писатель⁴.

Полемическую установку последователей Пушкина уловила критика. О.Сомов в "Обзоре российской словесности", перечисляя произведения, в которых "досталось Пушкину", включает в их число "Евгения Вельского", "Признание на тридцатом году жизни" П.Волкова, считая их неудачными пародиями⁵.

А.Бестужев-Рюмин солидаризуется с О.Сомовым в оценке "Евгения Вельского", отмечая, что автор, "предполагая написать пародию на "Онегина", сбился с своего плана и не достиг цели"⁶.

При этом в отзывах критиков заметны колебания относительно разграничения пародии и подражания. "Евгений Вельский",

вероятно, написан для шутки, – писал Н. Полевой, – автор хотел в смешном виде представить охоту подражать, делающую столько зла нашим стихотворцам; иначе кто же не шутя решится писать поэму, в которой название, расположение, все до смешной точности скопировано с "Онегина"?"⁷

Колебания критиков легко понять. Пародия и подражание имеют много общего: они опираются на один принцип – принцип копирования произведения–образца, которое существует в качестве фона, второго плана и в пародии, и в подражании. Оба эти жанра способствуют динамике литературного процесса, хотя функция пародий – деструктивная, а функция подражаний – конструктивная. Подражания, при условии популярности произведения, стремительно исчерпывают его резервы, реализуют все возможные варианты темы и формы, закрепляя художественное открытие и превращая его во всеобщее достояние. Но если подражание – это действительно творческая переработка, а не эпитомство, оно непременно включает в себя спор, полемику с тем произведением, которому оно подражает. Поэтому, хотя задачи подражания гораздо шире, чем просто дискредитация, литературная борьба, элементы этой борьбы органичны для подражаний.

В каком направлении ведется полемика второстепенных писателей с автором "Евгения Онегина" и какие формы она приобретает?

Чтобы оттенить литературную полемику и сделать ясной ее направление, авторы подражаний в ряде случаев используют зачины комической поэмы ХУШ в.

Зачин поэмы Александра Карамзина "Борис Ульин", кроме отказа следовать по пушкинскому пути, имеет определенную конструктивную программу:

Поэтов древних подражатель,
Начну я важню песнь свою
Заветным словом: я пою.
Итак, читатель мой почтенный,
Пою, побочный Феба сын,
Как жил и умирал смиренно
Борис Иванович Ульин⁸.

Аналогичное ироническое заявление есть в "Евгении Онегине": "Пою приятеля младого И множество его причуд" (гл. УП). Оно пародийно и направлено в адрес традиционных зачинов эпических поэм ХУШ в. У Карамзина оно, следуя за строчками, характеризующими повествовательную манеру Пушкина, переадре-

совано эпосу нового времени – роману “Евгений Онегин”. Пушкин насмешливо противопоставляет своего героя эпических поэм и свой стиль изложения героям и воспеваемому стилю поэм ХУШ в. Карамзин делает то же самое в отношении пушкинского романа, противопоставляя героям “Евгения Онегина” личность гораздо более заурядную, нежели главные герои пушкинского романа.

В “Отрывке из безымянной повести” Н.Горкуши, как и “Борисе Ульине”, используется в заглавии традиционная формула:

Я вам, читатель, опишу
Не баснословного героя,
Не Чернеца, не Громобоя,
Не Чальд-Герольда, не Пашу,
Не мор, не бунты, не сраженья,
И не дела нетопыря!
Я передам вам приключенья
И замечания и мненья –
Коллежского Секретаря⁹.

О своем герое (“Парис по красоте лица, Но с модно-жесткою душою”) автор рассказывает в манере “Онегина”, противопоставляя его не столько персонажам романтических поэм, сколько Онегину.

Декларируя новизну своего героя, авторы действительно существенно трансформируют образы, усиливая их комическое звучание. В ряде случаев в целях сатирической обрисовки образа используется прием иронии-комической поэмы – прием социального снижения героя. Например, в повести А.Башилова “Гусар” антагонист героя, напоминающий Онегина, – сын французского танцовщика, который “втерся в аристократические дома” и “кулисным тоном Одну графиню свел с ума”. Безродным бедняком предстает герой повести А.Карамзина “Борис Ульин”, герой “Отрывка...” Н.Горкуши происходит из семьи придворного истопника.

Но подавляющее большинство подражателей избирает путь более сложный – путь развития пушкинского образа. И.Н.Розанов обратил внимание на тот факт, что авторам поэм в духе “Онегина” ближе оказался образ Ленского, нежели Онегина¹⁰. Целый ряд произведений, таких, как “Ленин, или Жизнь поэта” Н.Н.Муравьева (1829), “Евгений Вельский” М.Воскресенского (1828–1829), “Московские минеральные воды” Ивелева (И.Е.Великопольского, 1831), отрывки из поэмы “Две доли” П.Митрофанова (1839), “Борис Ульин” А.Карамзина (1839),

"Писатель" Н.Федорова (1840), "Евгений и Людмила" Н.Андрюста (1840), ставят в центре произведений творческую личность, героя-поэта и идут по пути развенчания поэта-мечтателя, в направлении, которое показал Пушкин, наметив в качестве одной из возможных судеб Ленского пошло-тривиальный удел.

Подражатели романа выразили то понимание типа поэта-мечтателя, которое сформулировал В.Г.Белинский, написав, что "Ленские не перевелись и теперь; они только переродились. В них уже не осталось ничего, что так обаятельно-прекрасно было в Ленском... в них только претензии на великость и страсть мараить бумагу. Все они поэты, и стихотворный балласт в журналах доставляется одними ими"¹¹. "Пишу стихи, но преплохие, Моя болезнь Метромания", - заявляет о себе Евгений Вельский. В поэме М.И.Воскресенского этот мотив не находит сюжетного развития, зато в "Писателе" Н.Федорова он реализован: поэт Владимир Волгин ("Которому не мил весь свет, У нас которых очень много", замечает о герое автор), явившись в дом своей волюбленной, встречен там насмешками, причина которых - едкая критика, помещенная на произведения поэта в журнале. Поэт вебешен и собирается писать сатиру на своего Зоила. Отношение автора к уязвленному и негодующему герою иронично: автор согласен с критиком, "отщелкавшим" плохого поэта.

Герой поэмы И.Е.Великопольского "Московские минеральные воды" барон Велен, чье имя недвусмысленно указывает на его литературный прототип (Владимира Ленского), - сентиментальный поэт, погруженный в мир собственных чувств и страданий от разлада мечты с действительностью. "Страдания" поэта вызывают у автора веселые каламбуры:

Барон любезный
Был новый Стерн, коль Стерны есть,
Он был рожден корзины плетть
Для дев Аркадии прелестной,
Жить в век влатой, и Бог уж весть,
Как он попал в наш век железный... 12

В поэме поведение героя подвергается иронической дискредитации: пообразив себя больным, барон собирает консилиум и, будучи человеком мечтательно-рассеянным, забывает о нем. Автором насмешливо выделены эпизоды, где герой демонстрирует отличный аппетит и здоровье, вызывающие зависть врачей.

В поэме А.Карамзина "Борис Ульин" погруженность в мир

мечты, отрешенность от действительности – те качества, которые Пушкин сконцентрировал в характеристике Ленского, сказав, что "он сердцем милый был невежда", становятся в "Борисе Ульише" источником трагедии героя, принявшего легкомысленный флирт светской кокетки за настоящее чувство.

Герои-поэты дискредитируются различно: один предстает шлюдовитым метроманом, бредящим плохими стихами, другой – мнимым больным, третий смешон житейской неопытностью, но во всех случаях утрированные черты Ленского становятся источником комизма. Романтическая антиномия творческой личности и действительности, в которой поэту отводится роль существа, возвышающегося в своей духовности над "прозой" реального мира, отвергается последователями Пушкина. Они выявили неспособность творческой личности адекватно воспринимать реальность и улавливать закономерности окружающей жизни. Переосмыслив тип Ленского, с которым, как не раз указывали исследователи, в "Евгений Онегин" вошла тема романтизма¹³, второстепенные литераторы развивали реалистические тенденции романа и своими произведениями создали связующее звено между осмысленным типом романтика в "Евгении Онегине" и "Обыкновенной истории" Гончарова. При этом в форме их произведений обнаружился поворот к комическому жанру и возник целый ряд признаков, сближающих подражания "Евгению Онегину" с традиционной формой комической поэмы ХУШ в.

К числу типологических признаков комической поэмы, воспроизводимых подражателями "Евгения Онегина", следует отнести описательность, своеобразный "этнографизм", свойственный поэмам В.Майкова, Ф.Чулкова.

И.Н.Розанов констатировал, что второстепенными литераторами "пушкинский роман был понят как призыв к реальному изображению действительности"¹⁴. Свою задачу они увидели в том, чтобы пополнить "энциклопедию" дворянской жизни разнообразными сведениями, касающимися уклада жизни современного общества. Имена портных и сапожников, владельцев книжных лавок (Глазунова, Снигирева, Смирдина), портреты модных в свете врачей, приемы карточной игры и способы обработки земли, тонкости бального этикета, столмость гувернеров, названия блюд и вин – все подробности образа жизни дворянства тщательно фиксируются. Расширяется галерея типов: в круг персонажей поэм входят гусары ("Граф Томский", "Владимир и Днета" А.Скрябина, "Гусар" А.Гашилова), студенты ("Ев-

геций Вельский" М. Воскресенского, "Евгений и Людмила" П. Анордиста), появляются предводитель уезда ("Семейство Комариных"), генерал в отставке, откупщик ("Полина"), коллежский секретарь ("Отрывок из безымянной поэмы" П. Горкуши), многочисленные провинциальные помещики ("Евгений и Людмила" П. Анордиста, "Признание на 30-м году жизни" П. Волкова, "Ленин, или Жизнь поэта" Н. Н. Муравьева и т. д.).

В ряде произведений делаются попытки нарисовать демократического героя. Об этом свидетельствует образ швен-наперсницы в "Полине", образ денщика Андрея в "Романе моего отца" И. Бартдицкого.

Авторы поэм тщательно воспроизводят сложившиеся в быту традиции, обычаи, привычки. Н. Н. Муравьев, например, объясняет, почему из двух кавалеров его героиня Нинета предпочла пожилого штатского молодому гвардейцу: он ей родня. П. Карцов упоминает об обычае исписывать всевозможными заметками стены и окна постоялых дворов.

Отображение действительности в ее бытовой конкретности было лишь одной из целей пушкинского романа. Последователи Пушкина выдвинули ее в качестве первостепенной: в большинстве произведений картины быта и нравов становятся для авторов самоцелью, приобретают самодовлекщее значение. В ряде случаев они перерастают в обширные каталоги предметов, характерологических описаний, загромождающих повествование, как, например, в "Графе Томском" (1840), где обильны зарисовки "южной столицы" Одессы, греческих базаров, бульвара, гавани, карантин, балов и гуляний. Абсолютизация этого принципа проявляется в повести П. Волкова "Признание на тридцатом году жизни", где описание героя подменяется перечнем атрибутов его жизни.

Понимая свою задачу достаточно узко, авторы подражаний именуют свои произведения "повестями" или "поэмами", крайне редко используя слово "роман" для обозначения жанра произведения.

В обрисовке героев второстепенные литераторы стараются показать не индивидуальное, а повторяющееся, не характер, но быт; дать социально-нравственную зарисовку типа гусара, поэта, деревенского помещика, студента, молодой девушки.

Второстепенные литераторы фиксируют наиболее общие особенности жизненных установок, норм поведения различных представителей дворянского общества. Например, в обрисовке героинь очень ярко проявилась черта, отмеченная В. Г. Белинским, писав-

шим, что "русская девушка не женщина в европейском смысле слова, не человек, она не что другое, как невеста"¹⁵.

Сложившаяся система взглядов на образование и воспитание молодой девушки как невесты, предназначавшейся к единственно возможной сфере деятельности – супружеской жизни, явственно отразилась в поэмах "Полина", "Семейство Комариных", "Владимир и Анета". В поэме Севринова из разговоров родителей Анеты выясняется, что от качества образования девушки зависит возможность сделать хорошую партию.

В "Борисе Ульине" А.Карамазина отображена свойственная светской девушке манера поведения, на которую наложен отпечаток постоянной "игры в любовь". Типичность поведения подтверждается записью разговора, занесенной в дневник 1828 г. А.А.Олениной: "Потом мы разговорились о свете, о молодежи нашей, которую бранила. Рассказывала ему, смеючись, как делают куры и как весело обходиться холодно и приказывать своим "рабам", которые ловят малейшие ваши желания". На предупреждение собеседника об опасности такой игры А.А.Оленина отвечает: "Не бойтесь, я уже привыкла к этому и не свернуть мне так скоро голову!"¹⁶.

Этот фрагмент из дневника светской девушки может служить документальной параллелью к нравоописательной зарисовке А.Карамазина:

Кокетство дев нестрашно нам,
Привычным франтам всех гостиных:
Мы знаем их, а нас оне;
Живем в обманах мы невинных.
Сердечной женщины тишине
Не вреден наш притворный пламень,
Нам – их лукавая краса;
Сошлись мы, как коса и камень,
И целы камень и коса¹⁷.

Второстепенных литераторов интересует не столько конкретный герой с его индивидуальными чертами и неповторимым внутренним миром, сколько типы поведения, нравы, характеризующие данный отрезок времени. Популярность образа "гусара" в массовой поэме объясняется не только тенденцией к упрощению характера, как полагает И.Н.Розанов¹⁸, но и типичностью военной карьеры для молодого дворянина. "Военное поприще представлялось настолько естественным для дворянина, – пишет Ю.М.Лотман, – что отсутствие этой черты в биографии должно было

иметь какое-либо специальное объяснение: болезнь или физический недостаток, скупость родителей...»¹⁹

Интересом к типовому, обобщенному обусловлено также наличие "карикатур" – сатирических реестров гостей, родственников, участников бала или гулянья, которые есть почти в каждой из поэм.

Стремление отражать общее, типичное, повторяющееся сочетается в подражаниях роману с высокой степенью конкретности и достоверности описываемых явлений. Авторы часто опираются на реальные факты и события. Например, в "Московских минеральных водах" И.Е.Великопольского остроумно высмеивается распространившееся в свете поветрие "ласкать недуг и докторов" и организованное в 1828 г. лечебное заведение "Московские минеральные воды", ставшее местом встреч московского "бомонда"²⁰. "Писатель" Н.Федорова отражает типичное явление в литературе 1830-х гг. – субъективизм критики. Судя по выделенности в тексте слов "сей" и "оний", с употреблением которых вела борьбу "Библиотека для чтения", по намекам на толщину журнала, в котором была опубликована статья, превратившая Владимира Волгина в предмет насмешек, Зоилом несчастного поэта был О.Сенковский, рецензии которого часто подменяли разбор произведения насмешками над его автором.

Повышенному вниманию авторов шуточных поэм к эмпирическому факту, к конкретным реалиям действительности соответствует специфический способ отражения, для которого характерна детализированная подробность и точность описаний. Скрупулезность авторов простирается до того, что описываются не только дом, комната, мебель героя, но и содержание дорожного чемодана ("Роман моего отца" И.Бартдинского) или комода, в котором хранятся вещи героини ("Полина").

В "Семействе Комариных" насмешливо обрисованы привычки прекрасного пола:

Случалось часто мне видеть,
Что дамы русские на бале
Краса, – и в лестном мадригале
Поэт бы их наряд воспел;
А дома? – Наши Пенелопы
Наденут старые салопы
Так, что смотреть бы не хотел²¹.

Наблюдение автора сопровождается сноской, где он с педантизмом ученого-этнографа констатирует, что данное явление, широ-

ко распространенное в провинции, в Москве начинает выводиться, а в Петербурге практически исчезло.

Аналогичное, но не шутивное, а серьезное примечание Н.Карпов дает, описывая постоялый двор с иконами шуйских мастеров. В сюжете сообщается, что в уездах Владимирской губернии есть целые селения, занимающиеся письмом икон и их продажей²².

Научным педантизмом, вниманием к подробностям "онегинские" поэмы превосходят метод натуральной школы, особенностью которого было стремление к научности²³.

Подражания "Евгению Онегину" испытывают заметное влияние прозы. Автор "Полины", рисуя ряды Сенного рынка, прерывает описание замечанием: "Но чтоб избегнуть повторенья, Прошу Марлинского прочесть!". В реплике содержится констатация того факта, что материал поэзии сомкнулся с материалом прозы, что жанр поэмы осваивает те же предметы и сферы действительности, что и повесть. Кроме имени А.А.Марлинского, в "Полине" дважды упомянут Бальзак как глубокий знаток женской души. Вполне вероятно, что, рисуя "физиологию" русской дворянской жизни, автор "Полины" следовал примеру широко известных "физиологий" Бальзака.

Влияние русской прозы заметно в поэме А.Карамзина "Борис Ульин". Иронически осмысленная, но объективно драматическая история безродного сироты и бедняка близка повестям Н.Погодина и М.Павлова, в которых изображаются тяготы жизни даровитых и образованных выходцев из демократических слоев.

Тенденция "онегинской" поэмы к прозаизации жанра еще более явно проявилась в угасании лирической струи. Исследователи романа "Евгений Онегин" многократно писали о том, что автор присутствует в романе в нескольких модификациях: как автор-повествователь, автор-персонаж и автор-лирик²⁴. Второстепенные литераторы в подавляющем большинстве освоили амплуа автора-рассказчика, ведущего непринужденную беседу с читателем или полемизирующего с критикой, то и дело вторгающегося в повествование с различными отступлениями и комментариями. Но в "онегинской" поэме, сохраняющей внешние признаки лирической структуры романа, угасают элементы самовыражения личности автора. Главное отличие отступлений в подражаниях от отступлений "Онегина" состоит в том, что они в большинстве своем не являются лирическими.

М.А.Рыбникова полагает, что и среди пушкинских отступлений далеко не все можно назвать лирическими, вне лирики ос-

таются такие отрывки, как "Мы все учились понемногу..." или "Быть можно дельным человеком..."²⁵. Действительно, в "Евгении Онегине", наряду с теми фрагментами, где перед читателями раскрывается мир чувств и размышлений поэта, есть отступления, содержащие остроумные наблюдения, которые часто служат цели занять читателя, позабавить его ироническими, многозначительными рассуждениями, переключить внимание на иной предмет. Эти приемы, идущие от Ариосто и освоенные Пушкиным в "Руслане и Людмиле", соединяются с элементами стилистической игры²⁶ и в совокупности создают остроумную и занимательную манеру повествования.

Именно такой тип нелитературных отступлений характерен для подражаний роману. Отступления в них часто содержат шуточные наблюдения, касающиеся нравов, привычек общества:

Само собой, что эполеты -
Магнит любви дам и девиц:
Они на белом Русском свете,
Средь деревень и средь столиц
Имеют вес большой пред фраком²⁷.

Отступления также могут быть нацелены на то, чтобы рас-
влечь и позабавить читателя остроумной беседой, легкими калам-
бурами. Так, например, Н.Карцов входит в шуточную полемику с
Пушкиным по поводу женских ножек:

В наш просвещенный, умный век
Об ножках много говорили;
Их Пушкин по свету пустил,
Он пару ножек расхвалил -
За ним их сотни расхвалили,
Но согласись, читатель мой,
Что в ножке башмачок пленяет,
А ручка просто восхищает
Своей открытой красотой!²⁸

Воспринимая форму отступлений у Пушкина, авторы массовой поэмы упрощают их содержание. Отступление не как способ выражения авторской личности, не как средство обобщения, развития мысли, расширения перспективы художественного мира, но как способ развлечения читателя характеризует этот тип поэмы, отражая общую тенденцию развития жанра в сторону жанра комического.

Особенности подражаний "Евгению Онегину", взятые в совокупности, свидетельствуют о том, что последователи Пушкина

пошли по линии развития реалистических потенций романа: попытались соотнести героя со средой (тип поэта-романтика), отразить действительность во всей полноте человеческих типов и конкретных бытовых реалий. На этом пути они сомкнулись с современной прозой, испытав ее влияние, что повело к эпизации, к угасанию лиризма, к использованию метода скрупулезного и пространного описания, к своеобразной "физиологичности" произведений. Тенденция литературы последекабрьского периода сблизиться со всеми сферами русской жизни и изучить ее²⁹ отразилась в подражаниях "Евгению Онегину". Форма романа была принята как модель, которая помогала осваивать новый материал и тем самым способствовала разрешению актуальных задач русской литературы.

При этом жанр романа последователями Пушкина воспроизведен не был. Они ставили перед собой задачу более узкую и простую, чем ставил перед собой роман, и результатом явилось то, что они приблизились к канонической форме комической поэмы с ее описательностью, "этнографизмом", преобладанием комического элемента, литературной полемикой, сниженным героем, отсутствием лирики. Безусловно, такой возврат к типологическим признакам комической поэмы не входил в субъективные замыслы писателей. Он явился результатом понимания второстепенными писателями своей задачи - пополнить "энциклопедию", данную в "Евгении Онегине". Для этой задачи жанровая форма комической поэмы, выполнявшей функцию канала, по которому внелитературный материал проникал в литературу, была наиболее подходящей. Попутно заметим, что степень освоения жанра оказалась совсем незначительной; но это свидетельствует и о степени понимания пушкинского романа поклонниками Пушкина: их увлекло в романе внешнее - бытописание, стиль, в то время как глубина и серьезность проблематики, сложность главного героя оказались за пределами их восприятия (во всяком случае, творческого).

Возвращаясь к проблеме подражаний, в заключение отметим, что подражатели осваивают свой образец в той форме, которая доступна им, соответствует мере их понимания образца и степени талантливости, поэтому совпадение жанров образца и подражания не обязательно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кедров К.А. Подражание // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9. С. 632.

- 2 Розанов И.Н. Ранние подражания "Евгению Онегину" // Временник пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. С. 216-217.
- 3 Евгений Вельский. М., 1828, С. 5.
- 4 Карамзин А. Борис Ульин. СПб., 1839, С. 3.
- 5 Северные цветы на 1829 г. С. 53-54.
- 6 Северный Меркурий. 1830. 14 мая, № 58, С. 231.
- 7 Московский телеграф. 1828, № 9. С. 125-126.
- 8 Карамзин А. Борис Ульин. С. 5.
- 9 Горкуша Н. Отрывок из безымянной повести // Сын отечества. 1831. № 16. С. 111.
- 10 Розанов И.Н. Указ, соч. С. 239.
- 11 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955, Т. УП. С. 472.
- 12 Ивелев. Московские минеральные воды. М., 1831, С. 44.
- 13 Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 225-241; Макогоненко Г.П. Роман Пушкина "Евгений Онегин". М., 1963, С. 61.
- 14 Розанов И.Н. Указ. соч. С. 239.
- 15 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. УП. С. 474.
- 16 Цит. по: Цявловская Т.Г. Дневник Олениной // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958, Т. 2. С. 266.
- 17 Карамзин А. Борис Ульин. С. 34-35.
- 18 Розанов И.Н. Указ. соч. С. 235.
- 19 Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина "Евгений Онегин" : Комментарий. 2-е изд. Л., 1983, С. 48.
- 20 См.: Розанов Указ, соч. С. 234.
- 21 Карцов Н. Семейство Комариных. М., 1834. С. 17.
- 22 Там же. С. 21.
- 23 См.: Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе. М., 1965. С. 110.
- 24 Виноградов В.В. Стиль и композиция первой главы "Евгения Онегина" // Русский язык в школе. 1966. № 4; Винокур Г.О. Слово и стих в "Евгении Онегине" // Пушкин. М., 1941; Семенко И.М. О роли образа "автора" в "Евгении Онегине" // Тр. / Ленингр. библиотеч.-информ. т. 1957. Т. 2; Лаушкина А.Г. Композиционный и сюжетный центр романа А.С.Пушкина "Евгений Онегин" // Вестн. МГУ. Сер. Филология. 1967. № 6; Сидяков Л.С. К изучению образа автора в "Евгении Онегине" // Болдинские чтения. Горький, 1982.
- 25 Рыбникова М.А. По вопросам композиции. М., 1924. С. 34.
- 26 См.: Шкловский В. Евгений Онегин (Пушкин и Стерн). Берлин, 1923.

- 27 Полина. СПб., 1839. С. 18.
28 Карцов Н. Семейство Комариных. С. 25-26.
29 См.: Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М., 1965. С. 107.

М.М.Кедрова
(Калининский госуниверситет)

ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ НА
СТРАНИЦАХ ТУРГЕНЕВА
(повесть "Затишье")

Для Тургенева литературно-творческий контакт с Пушкиным имел принципиальное значение. Он открыто называл себя его учеником "с младых ногтей"¹. "Вас Пушкин не может занимать более, чем меня, - писал он М.М.Стасюлевичу, - это мой идол, мой учитель, мой недосыгаемый образец" (П, X, 213). В письме к А.И.Незелену от 5(17) декабря 1882 г. Тургенев снова признается в своем постоянном "благоговении перед... великим поэтом" и, подводя итог своему творчеству, выражает мечту о том, чтобы со временем удовлетворилось его "высшее литературное честолюбие" - быть "признанным за хорошего... ученика" Пушкина (П, XIII, кн. 2, 118).

Пушкинские произведения служили для Тургенева высшей мерой художественного совершенства и мастерства, сравниться с которыми может лишь искусство древних греков². Он находил в них "многое, достойное войти в литературную сокровищницу всего человечества"³, и призывал писателей, особенно молодых, учиться у Пушкина: "Читайте, читайте Пушкина, - советовал Тургенев М.А.Маркович, - это самая полезная, самая здоровая пища для нашего брата, литератора" (П, III, 318). Предлагая С.Т. Аксакову перечитать восточные стихотворения поэта, он заключает: "... Я от них безумствую" (П, П, 206). По свидетельству А.Ф.Кони, Тургенев был способен говорить о Пушкине "целые часы с восторгом и умилением, приводя обширные цитаты и комментируя их с особой глубиной и оригинальностью". Тургенева пленяла прежде всего "объективность Пушкина"⁴, означающая в широком философско-эстетическом плане верность действительности. Белинский, сопоставляя поэмы Тургенева "Параша" и "Помещик" с "Графом Нулиным" и "Домиком в Коломне" по "верной наблюдательности, глубокой мысли, выдвнутой из тайника русской жизни, изяшной и тонкой иронии"⁵, по "остроумию и гра-

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калининский государственный университет

А.С.ПУШКИН. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Межвузовский тематический
сборник научных трудов

Калинин 1987